

Проблемы политической модернизации, социальной революции и народовластия в России

Яков Пляйс

Модернизация вообще и политическая, в частности, как показывает исторический опыт многих стран, является одной из самых сложных и одновременно самых важных сфер трансформации общества и государства. Именно этим объясняются, очевидно, те противоречивые позиции, которые представлены по этому вопросу в трудах наших ученых-обществоведов.

В России политическая и иная модернизация всегда имела свою специфику. С одной стороны, она диктовалась необходимостью догоняющего развития, а с другой – она всегда проводилась по воле верхов, осознававших на определенном этапе развития страны опасность ее отставания и настоятельную потребность его преодоления. Поэтому внешний фактор всегда играл особую роль в модернизации России в целом и политической сферы, в частности. С этой же тенденцией всегда была связана высокая тяга политико-административной элиты России к копированию зарубежного опыта и перенесению его на отечественную почву. Однако это редко удавалось осуществить в полном объеме и еще реже приносило положительные результаты.

При этом надо сделать одно важное пояснение, связанное с терминами *“догоняющее развитие”*, *“догоняющая модернизация”* и *“копирование зарубежного опыта”*.

Необходимость этого обусловлена тем, что некоторые наши ученые, особенно из числа экономистов, считают, что ничего такого в нашей истории не было.

На самом деле все это было и продолжает быть. И характерно оно не только для России, но и для любой отстающей страны.

ПЛЯЙС Яков Андреевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Финансовой академии при Правительстве РФ.

Ключевые слова: политическая модернизация, социальная революция, народовластие.

Таков закон всемирной конкуренции и борьбы за лидерство.

Те страны, которые вырываются вперед, становятся не только примером для остальных, но и нередко источниками опасности для отстающих. Чтобы оставаться на передовых позициях, сильные нуждаются в экспансии, которая осуществляется в различных видах и формах: экономической, финансовой, военной, политической, культурной, идеологической, духовной, религиозной, информационной, образовательной и пр.

Для отстающих такая экспансия вполне может обернуться если не колонизацией, то значительным ущербом.

Чтобы не допустить такого развития событий, отстающие страны вынуждены заниматься своей модернизацией. Но в этой ситуации всегда возникает много вопросов. Например, такие: По какой модели модернизироваться? За счет чего проводить реформы? и т.д.

В истории России есть только один пример опережающей модернизации – большевистский (советский), который в конечном счете закончился крахом, хотя страна и добилась впечатляющих успехов в ряде областей: науке, образовании, космосе, обороне, культуре.

Не углубляясь далее в теорию модернизации, отметим еще только то, что особая роль среди внешних факторов принадлежит успешным революциям, которые открывают путь ускоренному социально-экономическому прогрессу.

Успешный чужеземный опыт вообще очень привлекателен для других и всегда возбуждает желание его скопировать. Поэтому не удивительно, что европейские социальные, буржуазно-демократические по своей сути революции имели не только значительное воздействие на передовые умы России, но и на власть. Различные реформы, в том числе политические, проводившиеся в России и в XIX в. и в начале XX в., были навеяны не в последнюю очередь западноевропейскими революциями.

В этой связи особый интерес представляет опыт политической модернизации XX в., поскольку он был связан не только с формированием представительной ветви власти – Государственной думы, но и началом легитимной многопартийности, и сопровождался к тому же определенным ограничением самодержавия. Опыт этой модернизации интересен и поучителен тем, что фактически впервые в отечественной истории в политической модернизации участвовали широкие народные массы

как субъект политики. Это выразилось не только в их активном участии в революционном движении, но и в электро-ральных процессах, в партийном строительстве, создании различных общественных организаций, начиная с профсоюзов и пр.

Если оценивать политическую модернизацию в императорской России в целом, то она (за исключением модернизации Петра I) была недостаточно радикальной и в целом недостаточно продуктивной в основном из-за непоследовательности властей и регулярного чередования реформ и контрреформ.

В отличие от опыта царской России политическая модернизация советского типа была чрезмерно радикальной и, как известно, преследовала цель создания абсолютно нового общественного строя и модели опережающего развития, которая была бы для всего остального мира образцом для подражания. Однако опыт такой модернизации фактически также оказался провальным, а крушение советской модели опережаю-

шего развития, однопартийной системы и власти Советов были не менее впечатляющими как для населения страны, так и внешнего мира, чем крах политической системы царизма в 1917 г.

Начиная с конца 80-х годов, наша страна вновь вступила в эпоху глубокой всеобъемлющей модернизации всех сфер общественной и государственной жизни. (Эту модернизацию точнее было бы назвать трансформацией). И также как в предыдущие века проблема политической модернизации вновь стала не только одной из самых актуальных, но и сложных. «Несмотря на все достижения путинского президентства, – пишет известный отечественный политолог В.Третьяков, – Россия все равно традиционно продолжает крутиться в парадигме «догоняющего (Запад) развития».

Догнать во всем не удастся. Перегнать в чем-то – случается довольно часто. Перегнать раз и навсегда так и не удавалось – кроме одного исторического периода, когда это произошло именно потому, что Россия отказалась от традиционных для нее ориентиров и целей.

Я имею ввиду 1917 год и коммунистический эксперимент. Большевики поменяли алгоритм движения страны по траектории прогресса. Они поставили цель не догонять Запад, а перепрыгнуть его. Оказаться в будущем, властно-политически закрепившись там, подтянуть социальные и экономические тылы сразу к тому, чем западноевропейский и американский капитализм станут когда-то. А за это время Советская Россия уйдет еще дальше вперед – в самый коммунизм. Алгоритм «прыжка в будущее», перевода страны из стадии «догоняющего развития» в позицию лидера (идеологического, аксиологического, политического) оказался порочен¹. Но при этом не порочен, а,

напротив, глубоко плодотворен оказался выбор – отказаться от роли догоняющего и перевести соревнование в иную плоскость.

Далее В.Третьяков пишет: «И для многих народов почти до самого крушения СССР (и даже позже), а для многих интеллектуалов Запада – до 1968 г. тогдашняя Россия (СССР) статусом исторического лидера обладала.

Отказавшись в конце 80-х годов от большевизма, но не от догматики теории прогресса, мы снова оказались в числе «догоняющих».

Теории прогресса противостоит то, что можно назвать «теорией естественного развития». Ты должен развиваться так, как свойственно именно тебе, а посему никогда не окажешься ни отстающим, ни догоняющим. И однажды, когда догоняющие и догоняемые врубятся лбами в стену или упадут от перенапряжения, станешь лидером автоматически.

Никакой уверенности у меня, конечно, нет, но надежда есть: при президентстве Медведева мы расстанемся навеки как с теорией прогресса, так и с теорией «догоняющего развития». И займемся более важными вещами. Некоторые пассажи в последних выступлениях Путина и Медведева вселяют эту надежду. Кстати, если ей суждено сбыться, это и будет лучшим воплощением любимого новым президентом выражения «*Freedom is better than non freedom*»¹.

Во многом соглашаясь с оценками и выводами В.Третьякова, трудно все же принять его идею (надежду) о том, что «при президентстве Медведева мы расстанемся навеки как с теорией прогресса, так и с теорией “догоняющего развития”». И займемся более важными вещами». Трудно принять эту мысль потому, что такой алгоритм поведения не для России и вообще не для любой другой великой державы, для которых

участие в гонке лидеров – обязательный и, как представляется, *абсолютный закон*.

Кроме этого нельзя не сказать и о том, что большевистская концепция “опережающего развития” была возможна лишь в СССР, КНР и некоторых других странах, во-первых, потому, что их человеческие и природные ресурсы позволяли реализовать эту модель. Важную роль играла также идеология, которая могла быть действительной лишь в условиях невысокого уровня общекультурного политического развития. Без сверхэксплуатации всего населения, которая характерна и для модели “догоняющего развития”, и особенно для модели “опережающего развития”, никакой скачок невозможен. Нельзя забывать также и о крайне высокой социальной цене этого скачка и минусах сверхэксплуатации населения.

Длительное перенапряжение социума ведет не только к его психологической и физической усталости, но и ставит перед ним вопрос об эффективности той модели, которую стремятся реализовать правящие силы. Сравнивая ее с другими, более щадящими и вместе с тем более эффективными, они неизбежно разочаровываются в той системе, в которой живут и работают. Поэтому можно, судя по всему, обоснованно говорить о том, что большевистская модель, по сути своей, была порочной во всех отношениях, а не только в тех, о которых говорит В.Третьяков.

Как это ни удивительно, к мобилизационной модели, основанной на жестком порядке, призывают даже весьма либерально настроенные экономисты. Например, видный ученый-экономист В.Иноземцев утверждает следующее: “История учит суровой правде. Мощные экономические прорывы в Южной Корее и на Тайване пришлось на периоды правления военных режимов Пак

Джон Хи и Чан Кайши; в Бразилии модернизация была начата в годы хунты генерала Бранко; в Китае о демократии не приходится и говорить, и даже в Японии почти вся послевоенная политическая история была историей одной правящей партии. Ни одна модернизация не опиралась на развитый технологический сектор: напротив, все они основывались на заимствованных производственных технологиях”².

Утверждая далее, что “в каждом случае модернизации предполагали порядок”, В.Иноземцев оговаривается, что под этим порядком “он не имеет в виду террор сталинского типа”, а четкую постановку целей, отказ от всякого рода демагогии; выработку средств достижения указанных задач; минимизацию затрачиваемых на их достижение средств и усилий; и как продолжение – безусловное отражение системой институтов и лиц, доказывающих свою некомпетентность или бесполезность.

“Задачи российской модернизации – это задачи догоняющего развития, а не «социального проектирования»”, – пишет Иноземцев, справедливо акцентируя внимание на многих задачах, без решения которых нельзя осуществить модернизацию. Особое внимание он уделяет сбережению, а не безумной роскоши и «разбазариванию незаработанного». Рациональное использование ресурсов, целевые вложения в «точки роста» экономики и социальной инфраструктуры – вот единственно возможный путь... Сегодня нужно строить не чиновно-бюрократические «вертикали», а «горизонталю» ответственности; бороться за интересы не бюрократического сообщества, а страны и ее граждан. В этом – суть повестки дня, предлагаемой президентом Д.А.Медведевым. И она, увы, нереализуема в условиях расслабленности. Установление порядка должно стать лозунгом нового президентства, каким бы неприят-

ным он ни казался многим. Иного выбора у России попросту нет”².

Не вдаваясь в полемику, в том числе концептуальную, принимающую во внимание не только исторический опыт России и ее ментальный код, но и особенности строя, который был создан в постсоветское время, а также ограниченность отпущенного нам исторического времени и внешние объективные факторы, отметим лишь то, что, хотя на тему модернизации написано немало статей и книг, она заслуживает концептуального системного анализа.

Современная модернизация, как и все более ранние, глубоко затронула наши цивилизационные основы и поэтому есть смысл и необходимость хотя бы коротко остановиться на основных цивилизационных сдвигах, которые за свою более чем 1000-летнюю историю пережила Россия.

Но прежде чем раскрыть суть этих сдвигов, надо определиться в содержании самого термина “цивилизационный сдвиг”.

С точки зрения автора, *цивилизационный сдвиг* – это фундаментальные изменения в социально-политической, экономической и духовной жизни всего населения страны, начинающиеся с какого-либо (или каких-либо) важного для всех события и заканчивающиеся перестройкой всех сфер жизни и деятельности страны. Таких сдвигов, по оценкам автора, в России было пять за всю ее историю:

– *первый сдвиг* начался в конце X в. с перехода от язычества к православию;

– *второй* – в XV–XVI вв. – покончил с феодальной раздробленностью и привел к созданию единого централизованного государства;

– *третий сдвиг* связан с петровскими реформами, нацеленными на европеизацию страны;

– *четвертый* – буржуазный, начавшийся реформами Александра II, но не доведенный до конца, во-первых, из-за контрреформ Александра III и, во-вторых, из-за консервативно-реакционной политики Николая II;

– *пятый* – большевистский – был направлен на создание уникального коммунистического общественно-политического строя, системы полного социального равенства и классовой гармонии – образца для всеобщего подражания.

Современный сдвиг, начавшийся в 90-е годы, имеет своей основной целью возвращение страны на прерванный в октябре 1917 г. путь общечеловеческого прогресса.

У каждого из этих шести сдвигов свои причины и особенности, цели и задачи, свои результаты. Каждый из них имел своей главной направленностью тотальную модернизацию и обновление всех сторон жизни страны.

На каждый сдвиг огромное (если не фундаментальное) воздействие оказывали внешние факторы.

Все сдвиги проходили в режиме догоняющего развития. Но ни один своей главной цели не достиг. Даже пятый сдвиг, развивавшийся по сценарию опережающего развития, на самом деле ставил задачу “догнать, а лишь затем перегнать” капиталистический мир. Кое в чем это ему удалось.

Что касается нынешней модернизации, то пока что она привела лишь к увеличению отставания России от развитого мира.

Поскольку ни одна модернизация не заканчивалась тотальной победой над отставанием, это ставит принципиальный вопрос: Почему так происходило?

На взгляд автора, это происходило потому, что на каком-то этапе модернизация прерывалась, реформы пре-

вращались в контрреформы, и новые системы, за исключением пятой – советской, создать не удавалось.

Главная причина неудач во всех случаях состояла в том, что инициаторам и архитекторам модернизации не удавалось выстроить и довести до эффективного рабочего состояния новые системы организации общественной и государственной жизни. На первом месте всегда должно было стоять реформирование политической системы и его основного ядра – государства. Если государственный механизм не совершен, не адекватен и не способен дать достойные ответы на вызовы времени, не может провести эффективные и грамотные реформы с минимальными издержками для страны, то созревают причины и предпосылки для социальной революции.

Именно такая революция, четвертая по счету в XX в., произошла в 90-х годах в России.

Преобразования, осуществленные в нашей стране в 90-е годы XX столетия, могут быть охарактеризованы не иначе как системные, революционные. Охватив все сферы общественной жизни, они радикально изменили все системы жизнедеятельности российского общества: политическую, экономическую, идеологическую и духовную.

На место однопартийной тоталитарно-авторитарной политической системы пришла многопартийная (правда, до конца еще не сформировавшаяся). Вместо централизованной вертикали власти, веками формировавшейся сверху вниз, сегодня, хотя и полудемократическим образом, но снизу вверх, строится новая. Государственную командно-административную экономику заменила многосекторная экономика, основанная преимущественно на частной собственности; идеологическое

единообразие и диктатуру единой государственной идеологии заменило многоцветье мировоззрений; радикально изменилась духовная жизнь, в особенности положение и роль церкви в обществе и государстве.

В общем все говорит о том, что сегодня мы живем в совершенно иной стране, хотя осуществленные преобразования не привели еще к тотальной смене ментальности российского населения. Но трансформация общественной психологии – это самый сложный и долговременный тип преобразований.

Если задаться вопросом: когда началась нынешняя революция, то надо будет признать, что точкой ее отсчета, или, образно говоря, ее детонатором был август 1991 г. ГКЧП и последовавший вскоре после провала этого путча указ президента РСФСР Б.Н.Ельцина, фактически запретившего КПСС, привели к параличу всей политической системы и предельному обострению и без того очень сложной социально-политической и экономической ситуации в стране. Распад СССР, произошедший вскоре после этих событий, еще больше обострил положение.

Окончательный слом советской экономической системы произошел в 1992 г., когда была осуществлена либерализация цен и проведена приватизация основной части государственной собственности. Это был второй этап революции. Кульминация событий наступила осенью 1993 г., когда в сентябре-октябре 1993 г. после расстрела Белого дома и роспуска Верховного Совета РСФСР были распущены советы и когда закончилось фактическое двоевластие. Принятие новой Конституции (12 декабря 1993 г.) поставило точку в революционном марше. В декабре 1993 г. завершился третий этап рево-

люции и начался период укрепления новой власти, этап эволюции.

По глубине и радикальности осуществленных преобразований четвертая революция в России может быть сравнима лишь с Октябрьской революцией 1917 г.

Однако между этими двумя эпохальными историческими событиями существует немало принципиальных различий, наиболее существенное из которых следующее. В то время как Октябрьская революция прервала естественный ход российской истории и ставила своей главной целью построение неведомого ранее общества полной социальной гармонии и равенства, общества, известного прежде только в теории, как коммунистическое, четвертая революция изначально преследовала диаметрально противоположную цель: вернуть Россию на буржуазный путь развития.

Если признать, что главная цель нашей нынешней революции та, о которой говорилось выше, то следует задаться и такими вопросами, как: Существовали ли объективные причины и предпосылки для такой революции? И если они были, то какие? Имелись ли в СССР, а затем в независимой России такие политические силы, которые признавали бы необходимость социальной революции? И если они имелись, то каковы были их программы и т.д.?

Говоря о причинах, следует, вероятно, признать, что объективные мотивы для социальной революции, как это не покажется удивительным, были.

Главная из них заключалась в том, что система государственного социализма, или так называемая командно-административная система, исчерпавшая к началу 50-х годов XX столетия свой ресурс и превратившаяся факти-

чески в тормоз социально-политического и экономического развития страны, не поддавалась реформированию. Самым убедительным подтверждением такого вывода является то, что, несмотря на огромные усилия и затраты, ни хрущевские реформы, ни косыгинские, ни горбачевские не давали долговременного устойчивого позитивного результата и не достигали цели модернизации самой системы, на что очень надеялись ее инициаторы и архитекторы. Ограничивая и фактически подавляя свободу, инициативу, предприимчивость в самых различных областях жизни, командно-административная система превратилась в непреодолимый барьер на пути общественного прогресса в СССР.

Кроме объективной причины внутреннего характера на ситуацию в нашей стране заметно воздействовала и объективная внешняя причина.

Западный мир, постоянно модернизируясь, устойчиво развивался и быстро уходил вперед. Именно этому строю, а не социализму, как долгое время надеялись многие, удавалось решить принципиальные вопросы общественного развития более эффективно. Чем больше времени проходило, тем очевиднее становилось, что командно-административный социализм явно проигрывает историческое соревнование между двумя социальными системами: капиталистической и социалистической.

Что же касается объективных предпосылок для революции в 80-х годах, то их в Советском Союзе не было.

Действительно, разве в недрах советского социализма формировались производительные силы и производственные отношения принципиально нового типа и, соответственно, новые группы и слои населения, являющиеся продуктом этих сил и отношений?

Нет, таковые не формировались. Научно-техническая революция, начавшаяся на Западе в 60-е годы, где такие силы и отношения зарождались, лишь частично затронула СССР (например, в ВПК и в космической сфере) и, в отличие от Запада, не привела к формированию постиндустриального общества с переходом в информационное, то есть общества, основанного на высоких и информационных технологиях, представляющих собой ни что иное, как новые производительные силы. На их базе формируются не только новые слои и группы населения (например, напрямую связанные с компьютерными технологиями), но и новые производственные отношения.

Если бы все это существовало в СССР, мы могли бы с уверенностью говорить о наличии объективных предпосылок для социальной революции. Но этого не было. Не лучше дело обстояло и с субъективными предпосылками. Действительно, разве были у нас до 1988–1989 гг. более или менее организованные оппозиционные силы, которые ставили бы своей целью свержение советского строя и возвращение к капитализму? Даже в конце 80-х годов у основной части возникшей весьма аморфной оппозиции главным лозунгом был: “Социализм с демократическим лицом”.

Заканчивая сюжет о наличии *субъективных причин и предпосылок*, следует заметить, что без них не могут складываться и *полноценные объективные*. Если же они все же образуются, то это происходит под воздействием иных факторов (например, внешних). Не имея под ногами прочной родной почвы, они вступают в антагонистическое противоречие с существующей в стране системой и, как правило, раньше или позже терпят поражение.

Если взять за основу и за данность сказанное выше, то надо будет при-

знать, что субъективных предпосылок и, соответственно, движущих политических сил для четвертой революции в СССР и России не было. Но кто же в таком случае начинал и двигал эту революцию?

Поначалу, во второй половине 80-х годов, это была группа реформаторски настроенных руководящих деятелей КПСС (или реформаторское крыло) во главе с ее генсеком М.С.Горбачевым, а затем группа радикально (фактически революционно) настроенных руководителей новой России во главе с Ельциным Б.Н. Да, наша история распорядилась так, что президент России, фактически антипод и антагонист М.С.Горбачева, завершил дело, начатое последним генсеком КПСС и единственным (первым и последним) президентом СССР.

Быстро ухудшающаяся экономическая и социально – политическая ситуация вынуждала обоих предпринимать все более радикальные меры и двигаться по пути радикализации преобразований, или, иначе говоря, по революционному пути.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что радикальные реформы начала 90-х годов явились прямым продолжением перестроечных процессов конца 80-х. Без перестройки, фактически парализовавшей советскую общественно-политическую систему, переход к революционным преобразованиям 90-х годов был бы невозможен. Перестройка подготовила почву и предпосылки для такого перехода, в том числе через углубление системного кризиса.

Несмотря на прямую взаимосвязь, между перестройкой М.С.Горбачева и революцией Ельцина есть и принципиальные различия.

Первое из них состоит в разной направленности этих социальных процессов.

В то время как перестройка преследовала цель совершенствования социализма и фактически перехода к социал-демократическому пути развития (с точки зрения автора, это было бы более естественным для советского общества), революция Ельцина Б.Н. была, по сути своей, и изначально направлена на полный отказ от социализма и переход к буржуазному устройству западного типа.

Либеральный, буржуазно-демократический характер 4-й российской революции не только способствовал решению некоторых фундаментальных вопросов нашего общественного бытия, но и поставил перед российским обществом ряд не менее сложных проблемных вопросов.

Главный из них следующий: может ли либерализм западного типа быть системой идейных ценностей для российского общества и может ли он быть компасом страны на пути к желанной цели?

То есть может ли он привести нас к подлинно демократическому, открытому, правовому, социальному государству с развитым гражданским обществом, устойчиво и активно взаимодействующим с внешним миром.

На взгляд автора, либеральный характер революции лишь частично может решить стоящие перед нами про-

блемы и не приведет нас к указанной выше цели. Ибо неверное решение проблемы собственности*, в принципе противоречащее демократическому решению вопроса власти, по определению не может привести к образованию мощного среднего класса – основной опоры стабильности, главного потребителя и потому одного из основных двигателей общественного прогресса.

Кроме вышеуказанного негативно-го есть и позитивный итог революции. Он состоит в том, что впервые за всю нашу историю мы отошли от централизованной модели организации власти и государственного устройства и стремимся выстроить демократическую, значительно менее централизованную систему власти. Можно спорить, подходит это для России или нет, но мир идет по пути демократизации уже давно, и это дает положительные результаты.

В экономической и духовной сферах ситуация, как представляется автору, сложнее.

С одной стороны, мы видим здесь плюрализм форм собственности, производственных отношений, структур и мировоззрений, что относится к позитивным факторам, с другой – сосредоточение финансовой и информационной власти в руках олигархов, что, безусловно, относится к отрицательным явлениям.

В современных условиях главный смысл социальной революции в любой стране, не исключая Россию, состоит в том, чтобы открыть стране дорогу не только прогрессу производительных сил и тем социальным слоям, которые с ними связаны, но к реальной, а не фасадной демократии, важнейшему средству реализации этого прогресса.

* Оценка собственности в 1992 г. по ценам 1991 г., безличная ваучеризация, основная схема разгосударствления и приватизации могли привести только лишь к криминальному, олигархическому капитализму, массовому обнищанию населения, значительному ослаблению государства, росту национального сепаратизма и т.д., а не к демократическому решению основных проблем.

Приход и утверждение демократии в России, как и во многих других странах, происходили под несомненным воздействием глобальных демократических волн. Каждая такая волна демократизации была, с одной стороны, результатом нового состояния общества, его растущих устремлений и следствием борьбы народов за свои интересы, а с другой – она вела к развитию гражданского общества, росту числа партий и общественных движений, что, в свою очередь, вело к новым демократическим приливам, открывало перед страной новые горизонты прогресса. По закону природы приливы наталкивались на сопротивление консервативных и ретроградных сил, прежних устоев, которое, как правило, приводило к откатам.

Чем ближе к нашему времени, тем мощнее и масштабнее становятся волны демократизации, тем глубже и фундаментальнее их воздействие на мир. Россия также не стоит в стороне от воздействия этих процессов. Это, разумеется, означает, что за определенным нынешним отливом обязательно наступит прилив.

В демократическом развитии Россия всегда отставала от авангардных стран, что явилось следствием недостаточного общего развития ее социума и государства. Тем не менее, для нее также были характерны и демократические приливы, и консервативные отливы. Но сила их была слабее и результаты скромнее, чем в колыбели демократии – Европе.

В результате отставания, особенно в XX в., основную часть которого страна шла оригинальным путем советского народовластия, опыт демократии (в общепринятом смысле) накапливался с трудом.

Войдя в начале 90-х годов в начальную школу демократии, страна столкнулась с безудержной вольницей, при которой демократические институты зачастую не только не выполняли своих функций, а, напротив, дискредитировали саму суть своего предназначения.

Очень быстро вольница стала угрожать не только самой демократии, но еще и целостности и даже самому существованию государства. Чтобы остановить негативное развитие событий, руководство страны пошло на определенные ограничения демократических норм. Полное преодоление этапа вольницы позволит, надо надеяться, отказаться от ограничений и постепенно, шаг за шагом, освоить все демократические ценности, накопленные человечеством.

Между глубинными экономическими и политическими процессами существует прямая и тесная связь.

Формирующиеся в экономической сфере новые группы собственников, из которых постепенно вырастают слои и классы, объективно нуждаются в своей доле политической власти*. Чем сильнее этот слой или класс, тем больше его политические амбиции. Стремясь реализовать свои амбиции, новый класс апеллирует к народу, избирателям, к демократии. Однако демократия воспринимается новым классом не более чем средство для достижения власти. Народ же, веря какое-то время в обещания нового класса, также стремится стать субъектом политической жизни.

Но без экономического благополучия, высокого уровня жизни реализовать народный идеал невозможно. Только народ, достигший высокого уровня жизни, не

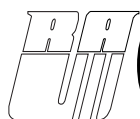
* В России в 90-е годы это произошло очень быстро, но не естественным образом, а искусственным, благодаря политике властей и непродуманной чековой приватизации. Именно из этого и выросли многие проблемы, связанные с поведением так называемых “новых русских”.

только имеет то, что надо защищать, но и становится мотивированным на такую защиту. Бедный народ либо индифферентен к политической жизни и выборам, в частности, либо – не более чем средство в руках властной элиты, которым легко манипулируют при достижении собственных целей.

Примечания

¹ *Третьяков В.* Алгоритм прыжка в будущее // Известия. 2008. 28 апреля.

² *Иноземцев В.* Призыв к порядку. О модернизации России и возможном экономическом прорыве // Российская газета. 2008. 1 октября.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.